

Съ царями не считаются больше въ вопросахъ о войнѣ. Викторія не обращаетъ вниманія на обиды, щедро расточаемыя ей во Франціи; чтобъ отомстить за нее, англичане не двинуть пальцемъ; а, между тѣмъ, можете-ли вы утверждать, что черезъ два года англичане и французы не передушатъ другъ друга за преобладаніе въ Египтѣ? — То же самое на Востокѣ... Какъ въ Россіи, такъ и въ Англіи, какъ въ Германіи, такъ и во Франціи больше не сражаются для удовлетворенія капризовъ королей. Теперь сражаются за неприкосновенность доходовъ, за ростъ капиталовъ всемогущихъ господъ Ротшильдовъ, Шнейдеровъ, за благосостояніе бароновъ капитализма и промышленности.

Соперничество королей замѣнилось соперничествомъ буржуазныхъ обществъ.

Правда, говорятъ еще о „политическомъ преобладаніи». Но переведите метафизическую сущность этого понятія на языкъ дѣйствительныхъ фактовъ, прослѣдите, какъ проявляется сейчасъ въ Германіи политическое преобладаніе, и вы увидите, что дѣло идетъ исключительно объ экономическомъ преобладаніи на международныхъ рынкахъ. Германія, Франція, Россія, Англія, Австрія стремятся сейчасъ не къ военному господству, а къ господству экономическому. Онѣ стараются завоевать себѣ право предписывать свои таможенные тарифы, навязывать свои товары, эксплуатировать народы, отставшіе въ промышленности; онѣ стремятся оставить за собой привилегію строить желѣзныя дороги въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и подъ этимъ предлогомъ становиться хозяевами рынковъ; наконецъ, онѣ хотятъ присвоить себѣ право отъ времени до времени отнимать у сосѣдей то портъ, для поднятія своей торговли, то провинцію, для сбыта излишка своихъ товаровъ.

Мы сражаемся теперь, чтобъ обезпечить нашимъ крупнымъ промышленникамъ тридцать процентовъ прибыли, баронамъ капитализма — господство на биржѣ, акціонерамъ рудниковъ и желѣзныхъ дорогъ — ежегодный доходъ въ сто тысячъ франковъ. Если-бы мы были болѣе или менѣе послѣдовательны, мы замѣнили-бы орловъ нашихъ знаменъ золотыми тельцами, старыя эмблемы — мѣшкомъ золота, названія нашихъ полковъ, заимствованныя нѣкогда у принцевъ крови, — именами принцевъ промышленности и капитализма: „третій Шнейдеръ», „двадцатый Ротшильдъ». Мы знали-бы, по крайней мѣрѣ, тогда, изъ-за чего мы убиваемъ другъ друга.

Открывать новые рынки, навязывать свои товары, хорошіе или дурные, — вотъ что составляетъ основу современной политики, европейской и континентальной, вотъ настоящая причина войнъ девятнадцатаго вѣка.

Въ прошломъ столѣтіи Англія первая положила начало обширной промышленности и экспорту. Она притянула своихъ пролетаріевъ въ большіе города, обучила ихъ усовершенствованнымъ ремесламъ, неимоვნно увеличила производство и сосредоточила въ своихъ магазинахъ цѣлыя горы предметовъ. Но эти товары не были предназначены тѣмъ голышамъ, которые ихъ производили. Получая ровно столько, чтобъ не умереть съ голода и размножаться, — что могли купить тѣ, которые всю жизнь ткали шерстяныя и льняныя матеріи? И англійскіе корабли, разсѣкая океанъ, шли искать покупателей на европейскій континентъ, въ Азію, Австралію, Америку, нигдѣ не находя себѣ конкурентовъ. Ужасная нищета царила въ городахъ, а фабриканты и купцы увеличивали съ каждымъ днемъ свои доходы. Богатства, выманенныя за границей, сосредоточивались въ рукахъ немногихъ, а экономисты континента восхваляли англичанъ и приглашали своихъ соотечественниковъ слѣдовать ихъ примѣру.

Въ концѣ прошлаго вѣка Франція вступила на тотъ же путь. Она принялась за организацію обширнаго производства съ цѣлью экспорта. Революція, перемѣстивъ власть, притянувъ въ города деревенскихъ босяковъ и обогативъ буржуазію, дала новый толчекъ экономической эволюціи. Англійская буржуазія возмущалась этимъ гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣми республиканскими декларациями и кровью, пролитой въ Парижѣ; поддерживаемая аристократіей, она объявила войну французскимъ буржуа, которые грозили закрыть англійскимъ продуктамъ всѣ европейскіе рынки.

Исходъ этой войны намъ извѣстенъ. Франція была побѣждена, но она отвоевала себѣ мѣсто на международныхъ рынкахъ. Англійская и французская буржуазія заключили даже на время трогательный союзъ: онѣ признали другъ друга сестрами.

Производя для экспорта, Франція стремилась захватить всѣ рынки, не считаясь съ тѣмъ, что промышленный прогрессъ растетъ съ каждымъ днемъ, распространяясь съ Запада на Востокъ и завоеывая все новыя страны. Французская буржуазія ничѣмъ не брезгала, чтобъ увеличить свои доходы. Въ теченіе восемнадцати лѣтъ она была подъ сапогомъ Наполеона III и молчала въ надеждѣ, что этотъ узурпаторъ сумѣетъ подчинить всю Европу своимъ экономическимъ законамъ. Но когда она